

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ АНАТОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ПРИ I МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Доклад профессора П. И. Карузина на торжественном заседании по случаю закладки здания нового Анатомического Института 17 октября 1926 г.

Карузин П. И. Краткая история Анатомических институтов при I Московском государственном университете // Отчет I-го Московского Государственного Университета за 1925-26 г. (с 1-го января 1925 г. по 1-е сентября 1926 г.). – М.: Издательство I-го Московского государственного университета, 1927. – 469 с. – С. 459-469.

«Per aspera ad Astra»

Анатомический Театр – одна из наиболее посещаемых лабораторий Медицинского Факультета. Не только будущие анатомы, но и многие из выдающихся практических врачей и профессоров-клиницистов (укажем Склифосовского, Маклакова, Снегирёва) не мало времени уделяли ещё в студенческие годы занятиям в секционном зале. В Анатомическом Театре будущий врач и натуралист получали, так сказать, своё первое крещение, испытывали свои нервы, в особенности в неприглядной обстановке секционных зал недалёкого даже относительно прошлого, но здесь же они учились наблюдению, анализу виденного, учились и синтезу, отдавая себе и руководителям работ отчёт в слышанном, прочитанном и изученном на трупах и на музейных препаратах, а последнее время, по возможности и на живой натуре. Не даром на фронтонах Анатомических Институтов и при входе в секционные залы на западе встречаем мы надписи «*Nic locus est, ubi mors Gaudet succurrere vitae*» («Это - место, где смерть радуется, идя на помощь жизни»), «*Mortus vivos docent*» («Мёртвые учат живых») и т.д. [Интересная надпись имеется в секционном зале Анатомического Института в Баку (предложенная Вячеславом Ивановым, известным поэтом, знатоком древних языков и бывшим профессором Азербайджанского Университета):

«*Córpóra viva fuere cadaver subdita vivis
Excutienda pils nón sine lege viris
Absque pudóre nefás, mane torquere iocóve.
Infera sácri legá laedere iura manú*».

Т. е. в его вольном переводе Вячеслава Иванова: «Телами живых были эти трупы, ныне покорные живым; мужи почтительные к ушедшим имеют право по уставу исследовать их останки, но запрещено без уважения мучить их или, издеваясь, оскорблять святотатственной рукой права мертвых» (ударения в приведенном четверостишье расставлено мною)].

Плодотворность и интенсивность научной и, быть может, в ещё большей мере преподавательской деятельности, кроме количественного и качественного состава персонала кафедры анатомии, в значительной мере зависит и от условий, в которых ему приходится работать в Институте, от целесообразности его устройства, тех средств и оборудования, которым он располагает.

Требования, предъявляемые к Анатомическим Институтам, естественно, быстро нарастают по мере развития науки, углубления и расширения области её исследования. Не маловажное значение имеют и технические усовершенствования как в деле исследовательской работы, так равно в обработке и использовании трупного материала и в методике преподавания.

Необходимо, например, иметь при современном Анатомическом Институте рентгеновский кабинет, аппарат для реконструкций, сложные проекционные приборы, фотографическую лабораторию, а со временем, быть может, и аппарат для киносъёмки и соответствующие необходимые для них помещения. Прогресс в этом отношении идёт быстрыми шагами, будут возникать всё новые и новые потребности, которые трудно даже предугадать, и Институт, строящийся ведь не на один десяток лет, должен поэтому располагать известным количеством запасных помещений без определённого даже пока назначения, должен быть более обширен, чем это требуется текущим моментом: излишняя экономия в этом отношении может обойтись очень дорого, как учит нас опыт прошлого и не только наш, но и многих зарубежных Институты.

Московский Университет основан в 1755 г. Через 9 лет куратор его Ададуров, желая распространить преподавание наук на Медицинском Факультете, приглашает занять кафедру анатомии и хирургии немца Эразмуса из Страсбурга, состоящего в течение 20-ти лет московским городским акушером. Им и был устроен 1-й Анатомический Театр [Θεάομι, theomai – смотрю, отсюда theathrum anatomicum – Анатомический Театр. Редкие рассечения человеческих трупов в средние века производились обыкновенно публично и носили характер зрелищ, на которые особыми объявлениями приглашались почётные лица города и просто любопытные; в некоторых случаях такие длящиеся несколько дней диссекции заканчивались музыкой] в Москве, а следовательно, и в России. Что он из себя представлял, мне определённых указаний найти не удалось [По крайней мере в 1817 г. Анатомический Театр помещался в небольшом ветхом каменном флигеле на бывшем «Московском дворе»; в верхнем этаже «преподавались лекции, приготавливались части трупов, хранились препараты, в нижнем сохранялись трупы». Как загораживающий свет Анатомическому Театру, вскоре построенному по плану Лодера, и ни на что непригодный, он был разрушен. Планы обоих зданий имеются: 1) при деле Правления 1817 г. №206 и 2) в J. Chr. Loderi oratio die inaugurationis novi Theatri anatomici. X Novembre MDCCCXIX pullice halita. Mosquae]; по-видимому, это было более чем скромное помещение, где изредка производились вскрытия человеческих

трупов. В речи своей «*De molestis studiis anatomici, deliciis maximaque illius utilitate longe superaudis*» (1765 г.), изданной по-русски под заглавием «О противностях анатомического учения, увеселением и превеликою оною пользой несравненно превышаемых», Эразмус жалуется, что анатомов обвиняют в безбожии, а занятия анатомией приравнивают к живодёрному ремеслу, что целыми месяцами ему не дают трупов из полиции и что не удаётся ему устраивать диспутов между студентами, так как число их нередко падало до одного.

Через 4 года кафедру анатомии занял Зыбелин, один из красноречивейших профессоров Университета, сделавший много для создания русского научного языка, но тоже ненадолго, причём благодаря условиям того и более позднего, впрочем, времени, кроме анатомии он читал хирургию, практическую медицину, химию и врачебное веществоведение; науки были ещё мало дифференцированы, объёмы курсов невелики, и Медицинский Факультет представлен был лишь небольшой группой профессоров [На западе многие выдающиеся анатомы были в тоже время известными ботаниками, химиками, а иногда даже профессорами философии, греческого языка, красноречия и стихосложения].

С 1777-го г. по 1804-й анатомию и хирургию излагает венгр Керестури из Песта, причём в последнее 10-летие 18-го века он «показывал строение человеческого тела на трупах, разнимая и приготавливая оные, а дабы точнее определить действие многих частей одушевлённого человеческого тела, показывал строение их в живых животных разного рода; для рассмотрения же тончайшего строения малейших частей в помощь употреблял микроскоп».

Таким образом Керестури, отдавший уже многие годы преподаванию анатомии, по-видимому, первый вводит хотя и не богатым числом, но планомерно производимые анатомические демонстрации на человеческих трупах и делает, правда, робкие, шаги в область экспериментальной физиологии, сравнительной анатомии и микроскопии [Лишь в 40-х годах прошлого столетия один из выдающихся московских профессоров, известный физиолог Глебов в бытность за границей познакомился у Шванна со способом употребления микроскопа, до того ему неизвестного].

С 1804 г. читает анатомию Венсович, с 1811 г. – Грузинов, очень даровитый молодой учёный, получивший своё анатомическое образование в Англии; но через год он поступает добровольцем-врачом в действующую армию и гибнет в 1813 г. от тифа.

Московским пожаром, начавшимся 6-го сентября 1812 г. уничтожено было почти всё ценное имущество Университета, и только через год, и то с трудом, занятия восстановились в наёмных помещениях.

Начинает читать анатомию и вместе с тем физиологию, токсикологию, судебную медицину и медицинскую полицию выдающийся московский врач

и практикант Мухин, преподававший, впрочем, уже ранее (1808 г.) анатомию в московском отделении Медико-Хирургической Академии.

В 1818 г. Лодер, бывший профессор Университетов в Иене и Галле, перешедший на русскую службу ещё в 1809 г., академик, лейбмедик и заведующий большими военными госпиталями, один из известнейших анатомов своего времени, продал свою богатейшую коллекцию препаратов по анатомии нормальной и патологической Александру I за 125000 руб., причём для лучшего использования её предложил безвозмездно читать анатомию в Университете.

В 1820 г. по данному им плану построен был собственно первый Анатомический Театр в Москве [Я называю его первым, так как он впервые был специально приспособлен для занятий по анатомии в смысле помещений и их оборудования; имевшиеся до Лодера, по-видимому, можно скорее назвать кабинетами анатомическими, прозекториями и притом очень скромными по размерам и обстановке (см. выноску на стр. 2)]. Это здание в два этажа расположено было на месте теперешнего Физиолого-гистологического Института, оно занимало площадь в 197 кв. сажень. Анатомический Театр, этот соответственно потребности своего времени, отличался «обширностью, богатством и убранством» (план его имеется при напечатанной Лодером речи, см. выноску на с. 461). И Лодер кроме анатомии читал физиологию, хирургию, акушерство, медицинскую антропологию, судебную медицину и естественную историю. Кроме «*Tabulae anatomicae*» [«Анатомические таблицы»] и «*Elementa anatomiae corporis humani*» [«Элементы Анатомии человеческого тела»] им напечатан был «*Index preperatorum aliarumque rerum ad Anatomicos spectantium, quae in Museo Caesariae Universitatis Mosquensis servantur*» (1823 г.) [«Указатель препаратов и других предметов, имеющих отношение к Анатомии, сохраняющиеся в Музее Императорского Московского Университета (1823 г.)»].

После смерти Лодера кафедру анатомии занял его любимый ученик и адъюнкт Эйнбродт, по инициативе которого поставлен был в 1836 г. в Анатомическом Театре мраморный бюст Лодера (работы Витали). Эйнбродт умирает в расцвете сил и деятельности, 38 лет в 1840 г.

В этом же году закрылась Виленская Медицинская Академия, и из Вильны переводится в Москву Севрук, прекрасный техник, опытный и требовательный преподаватель; он читал ещё по латыни анатомию нормальную и патологическую, и физиологию; по-русски же – только вводные лекции.

После смерти Севрука от холеры в 1853 г. кафедру занял бывший его прозектор И. М. Соколов, который первый уже излагает свои курсы по-русски.

С введением устава 1836 г. преподавание наук в Университете утрачивает свой энциклопедический характер, начинается их дифференцирование, специализация, но этот эволюционный процесс совершается весьма медленно. Профессора теоретических кафедр, преподававшие большей частью и

прикладные медицинские науки, естественно, занимались и (медицинской) практикой отчасти, конечно, благодаря скудной оплате труда университетского преподавателя.

В 1849 г. возникает кафедра патологической анатомии, через год – сравнительной, и лишь в 1863 г. отделяется от анатомии гистология, а вскоре за ней и топографическая анатомия. Число студентов на Медицинском Факультете быстро нарастает и доходит до 350.

В 1856 г. открывается параллельное отделение, и уже через четверть века по постройке Лодеровского Анатомического Театра встаёт вопрос о необходимости его расширения и переустройства, но произведены были лишь некоторые поправки и сделана небольшая пристройка к левому крылу здания; освещение сальными свечами заменено керосиновым, а затем газовым (1866 г.).

В связи с быстрым ростом естествознания анатомия перестаёт уже быть чисто описательной наукой, служащей исключительно потребностям медицины; всё более и более нарастает стремление к научному пониманию форм и строения органов человеческого тела, всё более приходится как в анатомических исследованиях, так и в лекционном изложении, пользоваться данными сопредельными с анатомией дисциплинами.

Упомянутое не раз многообразие обязанностей профессоров анатомии, взгляд на анатомию, лишь как на подсобную науку, занятие практической медициной иногда в очень широких пределах, неприспособленность Анатомического Театра для ведения научных работ и недостаточное его оборудование, были, мне кажется, главными причинами почти полного отсутствия трудов в области анатомии в это недалёкое ещё относительно время: за целое столетие можно указать лишь немного работ, могущих быть названными анатомическими исследованиями, да и то с большой натяжкой, а между тем среди профессоров анатомии того времени многие, несомненно, обладали и выдающимися способностями, и трудолюбием [Кроме перечисленных профессоров состояли преподавателями Анатомии Воскресенский с 1817 г. по 1819 г. и Терновский, бывший адъюнктом по анатомии с 1827 г. по 1836 г. сначала при Лодере, а затем при Эйнбродте. Эразмусом были изданы Шааршмидтовы «*Tabulae anatomicae*». Венсовичем – «*De structura et usu secundinarum*» *Dissertatio inauguralis*. Грузиновым – «Слово о новооткрытом месте происхождения голоса в человеке и других животных», где он пишет, что голос рождается не в гортани, но в груди, в нижней части дыхательного орла, посредством задней перепонки, соединяющей хрящевые колечки оного близ разделения канала на 2 ветви. Мухиным – 2 руководства по анатомии. Лодером, кроме указанного, ещё руководство по анатомии и антропологии, написанное, впрочем, до приезда его в Россию. Севруком – «О перемещении внутренностей у одной женщины». Соколовым – «Краткое описание анатомических препаратов,

представляющих волокнистое строение мозга». «De ligature a. iliacaе externum» и «О происхождении мозговой грыжи». Вот и всё, что удалось мне найти относительно работ перечисленных профессоров по анатомии; остальные труды их были главным образом из области практической медицины. Дальнейшие и более подробные сведения по недостатку места сообщить не могу, они даны в некрологе проф. Зернова, который должен был быть напечатан в Учёных Записках Московского Университета 1917-1918 г. Некролог этот, представляющий собственно историю кафедры анатомии почти за 50 лет, сдан в Издательство I Московского Государственного Университета].

В 1869 г. на кафедру анатомии был избран Д. И. Зернов, и им через 2 года в решительной форме возбуждён был вопрос о необходимости постройки нового Анатомического Института. В его заявлении (1872 г.) указывались крупные недостатки старого Анатомического Театра, среди которых отметим некоторые: отсутствовал водопровод (нечистоты выносились в вёдрах и сливались в резервуар, расположенный среди университетского двора), погреб для хранения трупов находился в 20 сажнях от здания Института, подвалы были грязны и зловонны, не было тёплой мацерационной, к тому же стены Анатомического Театра дали трещины.

Ходатайство на этот раз имело успех; комиссией из шести профессоров и архитектора Университета [Мин, Бабухин, Новацкий, Клейн, Зернов, Шереметьевский и архитектор Никифоров] выработан был план и составлена смета; постройка должна была быть законченной к 1-му октября 1876 г., но здание ещё до открытия дало трещины, пришлось провести дополнительные работы по его укреплению, и Институт начал функционировать только через год – в 1878 г. Площадь его 224 кв. сажени; отдельная пристройка при нём для хранения трупов и мацерации костей уже разрушена при начавшейся закладке нового Института. В полуподвальном этаже устроена была прачечная, центральное отопление аудиторий и квартиры служителей и препаратора, а затем одного из помощников прозектора; в следующем этаже – секционная зала, аудитория и лабораторные помещения, в верхнем – музей.

До 1891 г. в новом Анатомическом Театре помещался и Институт Судебной Медицины; несколько ранее была выведена гигиена, впрочем доцент её Медведев не имел в своём распоряжении даже комнаты, а пользовался лишь несколькими шкапами.

Около 1890 г. керосиновое освещение, при котором я ещё работал в первый год своей аспирантуры, было заменено электричеством.

В конце прошлого века впервые начали у нас применять консервирование трупов; впрочем, для накопления материала в летние месяцы и длительного его хранения и по сие время Анатомический Институт не располагает ни соответствующими помещениями, ни должными приспособлениями, но до 1914 г. в этом и не чувствовалось особенной необходимости, так как свежий

материал поступал в достаточном количестве, по крайней мере за время моей работы в Институте, т.е. с 1889 г. Иное дело стало обстоять в последнее время, когда настал, так сказать, настоящий трупный голод [С 1914 г. быстро начало увеличиваться количество принимаемых на Медицинский факультет студентов, которое в первый год революции дошло более чем до 1500; пришлось читать параллельные курсы; возникла затем Высшая Медицинская Школа, переименованная вскоре в Медицинский Институт, слившийся в 1924 г. со 2-м Университетом. Мне лично, лет 6 тому назад, пришлось вести практическую работу, благодаря недостатку в помощниках, почти с сотней групп (по 12 человек каждая). Хотя количество принимаемых на Медицинский факультет студентов затем стало падать, но в ещё больших размерах уменьшилось количество доставляемых трупов (с 300 до 80)].

В это же приблизительно время я успел познакомиться с постановкой преподавания анатомии за границей [Карузин П. И. Заметки о современном положении преподавания анатомии в немецких университетах. – Москва. 1900 г.] и по моей инициативе трудами главным образом помощника прозектора Алисова (умер в 1909 г.) и группы наиболее активных студентов создан был «студенческий музей» по образцу немецких «Lernsammlungen». Благодаря денежным средствам, собираемым самими студентами, и их главным образом трудам, он располагал довольно значительным инвентарём, большим количеством препаратов и даже скромной библиотекой.

Анатомический Театр несколько расширился по переводе Института Судебной Медицины на Девичье поле и с упразднением Инспекции (одна комната находилась в распоряжении судмедэксперта), однако при нарастающем числе работающих, а главное благодаря необходимости некоторых нововведений в дело преподавания и особенно исследования обнаружилось, что и этот «новый» Институт перестает уже удовлетворять своему назначению и как научная лаборатория, и как учебно-воспитательное учреждение; у тому же более 10-ти лет тому назад здание стало давать заметную осадку, в стенах обнаружались трещины, и тогда же мною сделано было соответствующее заявление в Правление Университета. Специальная комиссия нашла состояние Института угрожающим не только здоровью, но даже и жизни работающих [И действительно, несколько раз в аудитории, по счастью, не во время занятий в ней обваливалась штукатурка, однажды на протяжении около кв. сажени], предложено было закрыть его, и занятия перевести в Институт Оперативной Хирургии на Девичье поле, но по многим соображениям осуществить это предложение практически оказалось трудно выполнимым, и временно всё осталось *in status quo*. К тому же стоимость капитального ремонта здания, не устранившего, впрочем, его существенных недостатков, была в 150 тыс. рублей.

В 1919 г. снова встал вопрос о постройке нового Анатомического Института. Мною совместно с бывшими моими ассистентами Рождественским (умер в 1921 г., профессором Ташкентского Университета) и Чечулиным разработан был план, и в представленной мной в Правление Университета докладной записке приведены были подробно соображения и мотивы необходимости такой постройки. Проект здания Института на Девичьем поле выполнен был архитектором Малашкиным, но средств на постройку не оказалось, и всё дело куда-то пропало. За образец, конечно, сильно изменённый, как при составлении этого первого проекта, так и последующих, послужил Анатомический Институт в Мюнхене.

Помимо отмеченных уже разрушений здания к числу не устранённых недостатков его следует отнести тесноту и ограниченное число лабораторных помещений, слабое освещение некоторых из них, отсутствие «фойэ», неудобство и теснота раздевалки, неудовлетворительное отопление и вентиляция и т.д. Что касается специальных помещений, то следует отметить, что в аудитории, несколько тесноватой, нельзя поставить современных проекционных аппаратов и нет при ней места для демонстрации и хранения постоянно необходимых для лекций препаратов.

Секционная зала мала; благодаря отсутствию подъёмников для трупов и помещения для уборки препаратов в ближайшем соседстве с нею, не может быть соблюдаема необходимая чистота. Препаровочная – проходная комната, в которой благодаря недостаточности помещений нередко приходится принимать студенческие препараты и производить демонстрации. Нет места для ведения групповых семинарских занятий.

Совершенно отсутствуют кабинеты для научных работ не только аспирантов и ассистентов, но даже и директора Института, не говоря уже о желающих работать врачах.

Нет места для устройства доступного для публики музея, а между тем и теперь экскурсанты посещают Институт сотнями.

Невозможно устроить для учащихся библиотеку-читальню, в которой они долго будут чувствовать настоящую нужду, благодаря бедности пособиями книжного рынка и своей материальной необеспеченности.

Нет места для устройства даже самой скромной рентгеновской лаборатории, фотографического ателье.

Мацерационная (ныне разрушенная) не удовлетворяла самым элементарным требованиям, а равно и помещения для хранения трупов совершенно не соответствовали своему назначению.

Инъекционная и бальзамировочная очень удалены от трупохранилища и секционной залы.

Совершенно нет места для некоторых необходимых для Института мастерских и для работ по реконструкции.

Нельзя устроить холодильники и крематорий, могущих понадобиться в самом недалёком будущем.

Неблагоприятные обстоятельства в первые годы революции не позволили своевременно осуществить намеченный план постройки нового Анатомического Института, и лишь в начале истекшего академического года в чрезвычайном порядке поступило ко мне предложение представить план и сметы по оборудованию Анатомического Института, место которому намечено было на Девичьем поле, а кубатура (совместно с Институтом Топографической Анатомии) определена в 5000 сажен.

В виду крайней спешности работы, а также в силу чисто коллегиальных соображений, я привлёк к участию в ней почти всех членов-преподавателей нашей предметной комиссии; любезно согласился помочь нам и профессор гигиены К. Я. Ильневич. Особенно деятельными работниками проявили себя ассистенты Гиндце [Находясь в заграничной командировке, он между прочим имеет поручение собирать материал по оборудованию Анатомического Института, каковое выполнил в прошлом году и приват-доцент Иваницкий] и в течение короткого, к сожалению, времени безвременно погибший Русяев, совместно с которыми выработаны были первоначальные план и смета, подвергшиеся затем ряду изменений благодаря окончательному решению Правления Университета строить новый Институт и при том только для Анатомии систематической на дворе «старого» Университета в непосредственном соседстве с старым Анатомическим Театром, позади церкви Георгия; благодаря этому, в случае необходимости, возможно будет перевести частично работу в новое помещение даже и ранее полного его оборудования.

С возникновением первого Анатомического Театра (Эразмуса) миновало 162 года; это время может быть разбито на 3 периода: до постройки Лодеровского Анатомического Театра в 56 лет, от нее до открытия ныне существующего – в 57 лет и в 49 до закладки нового Института.

В первом периоде даже и преподавательская работа велась, по-видимому, с перебоями; во втором она уже налажена, о научной же деятельности в Анатомическом Театре почти ещё не могло быть речи или во всяком случае, по вышеуказанным причинам, она проявилась крайне слабо; лишь в третьем периоде началась уже заметная исследовательская работа, однако условия для ведения её, как и преподавательской отчасти, в особенности при быстро нарастающих требованиях к ней тоже не были вполне благоприятны, как быть может мне удалось показать в моём кратком историческом очерке.

Во что обошёлся Анатомический Институт Лодера (1820 г.), мне справок найти не удалось; ныне существующий стоил 181 ½ тысяч рублей, постройка заложенного здания нового Института, приблизительно в 2 раза больше ныне существующего, обойдётся около миллиона кроме оборудования. Кубатура его равна 3500 сажен, здание будет иметь 5 этажей (один полуподвальный).

Сопоставление одних уже приведенных цифр красноречиво говорит о том, с каким вниманием Советская власть отнеслась к давно назревшему уже вопросу о крайней необходимости и притом спешной постройки нового Анатомического Института, почему я и питаю полную уверенность что это огромной важности, как для нашего Медицинского Факультета, так и вообще для анатомической науки, начинание вскоре будет доведено до конца, и Институт получит все средства и возможности для полного и достойного его оборудования. *Вместе с тем недалёкое будущее, надеюсь, покажет, что средства народные не брошены даром: новый Институт должен и может занять одно из первых мест среди учреждений подобного рода даже в мировом масштабе в случае, конечно, надлежащего его оборудования, и надо думать, что он не увянет так скоро, как оба его предшественника* **[выделено курсивом редакцией – В. А. Г.]**.

Итак, не скоро то время, когда двери обновлённой научной лаборатории широко откроются для жаждущей знания пролетарской молодёжи; персонал же кафедры анатомии, надеюсь, сумеет показать себя достойным того дворца науки, в котором ему в скором времени предстоит работать.

В заключении считаю долгом принести глубокую благодарность членам Правления I Московского Государственного Университета и многоуважаемому его Ректору А. Я. Вышинскому **[Андрею Януарьевичу Вышинскому – В. А. Г.]**.

за горячее сочувствие и внимание к нашим давнишним насущным нуждам и энергию, с какой велось и ведётся дорогое всем нам дело. Большое спасибо и всему техническому персоналу, работающему и наблюдающему за постройкой во главе с инженером А. С. Гребенщиковым, с которым на ней мы встречаемся почти ежедневно и советами которого постоянно пользуемся.